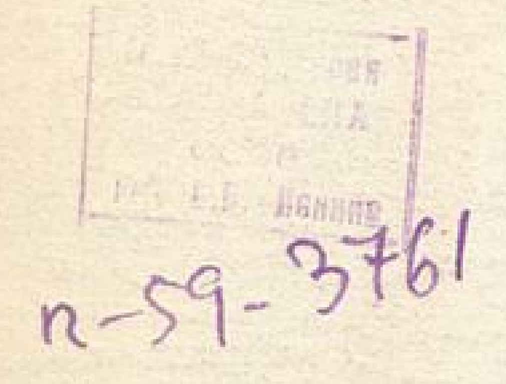

МУРЗИЛКА

№10

Орган Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ОКТЯБРЬ 1958

Геннадий МАМЛИН *Рис. Е. ГАЛЕЯ*

КОМСОМОЛ

1

В горячих цехах
И на льдине плавучей,
В глубоком забое,
В полёте над тучей —

Повсюду он,
Скромен,
Отзывчив, горяч, —
Кузнец, архитектор,
Учитель и врач.

Узнаешь его ты
По песням задорным,
По взгляду прямому,
Вихрам непокорным.

Вожак пионерский —
Повсюду он с нами.
Мы тоже гордимся
Его орденами.

И мы, пионеры,
Должны непременно
Стать старшему брату
Достойною сменой!

Бесстрашный, готовый
На подвиг любой,
Ведёт Комсомол
Молодёжь за собой.

Весёлою песнею
Путь коротая,
Он едет в Сибирь
И на земли Алтая,
Плывёт к берегам
Антарктиды
скалистым.

Недаром растили его
Коммунисты,
Недаром связал он
С делами своими
Великого Ленина
Светлое имя.

2

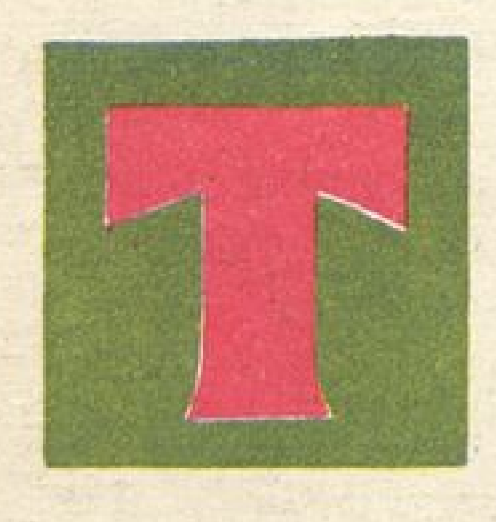
Походные песни.
Привалы. Костры.
Осёдланы кони,
И сабли остры.

В атаку
Отряд комсомольский
Ведёт
Тревожный, лихой
Восемнадцатый год.

ВРЕМЕННЫЙ БИЛЕТ

Андрей ШМАНКЕВИЧ *Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ*

рудно устанавливалась у нас на Кубани советская власть. Сколько раз взрослые загоняли нас, мальчишек, в подвалы и погреба, когда по станице начинали бить из пушек и пулемётов.

В казачьих краях по-иному люди жили, чем в других местах. У казака и надел земельный был немалый, и податей он не платил таких, какие платил обыкновенный крестьянин. Но всё равно и среди казаков были богатые и бедные.

А «мужикам», или, как на Кубани говорилось, «иногородним», земли не полагалось, а подати вносить было надо.

Землю они или покупали, если было на что, или пахали, сеяли и жали на землях богатых казаков «исполу»: собрал урожай — половину отдай хозяину.

Школы тоже были «казачьи» и «мужичьи».

А многие из нас, даже в «мужичью» школу не могли попасть — мест не хватало. И пришлось учиться нам у кладбищенского сторожа, спившегося псаломщика, в кладбищенской сторожке.

Классной доски в сторожке не было, и учитель наш прямо на побелённой стене писал углём алфавит, по три-четыре буквы в день.

— Это первая буква, — пояснял он. — Зовётся она «А»... В букваре она вот такая, а писать её надо вот так... А ещё каждая буковка бывает маленькая и большая. Запомнили? А теперь повторяйте за мной хором, как эта буква прозывается...

Он взмахивал руками, как церковный дирижёр — регент, и мы в семнадцать голосов начинали жалобно тянуть это самое «А», точно голосили по всем покойникам, похороненным за стенами нашей «школы». А жалобно голосили потому, что псаломщик обещал каждого, кто не запомнит букву с первого раза, запирать на всю ночь в кладбищенскую часовню. При такой угрозе каждый заголосит...

Бумаги купить было не на что, и скоро все стены в хате у бабки Ковалихи, совсем мне чужой, пригревшей меня как сироту, я исписал буквами и цифрами. Бабка не ругала меня. Она даже помога-

Рис. А. ЗЕГЕРА

Ветрами продуты,
Огнём обожжённые,
В сивашской воде
Ледяной
закалённые,

Под флагом багряным,
На белом коне —
Такими вы с детства
Запомнились мне.

ла мне запоминать азбуку. И делала это так старательно, что к первой весне моей учёбы знала не меньше меня, хотя до этого была совершенно неграмотной.

Сначала мы думали, что гражданская война — это война между мужиками и казаками за землю. Но очень скоро и мы, ребята, стали понимать, что это шла война за новую жизнь, ещё не виданную на земле, в которой все люди будут равны

друг перед другом. Узнали мы, кто такие большевики и меньшевики, красные и белые. Красные вместе с Лениным боролись за советскую власть, за равенство; беляки отстаивали старое — царя и богатеев. Красных называли «товарищами». Первое, что они сделали для детей голытьбы, — это перевели нас из сторожки в настоящую школу, бывшую «казачью».

Сколько раз наша станица переходила из рук в руки!..

Но вот пришёл день, когда у нас в станице навсегда установилась советская власть.

И слова «товарищи», «большевики» стали для нас привычными. А вот слово «комсомол» пришло к нам позже, чем в большие города.

— Что это такое — комсомол? — спрашивал я у ребят.

Но они не знали. И только Шурка Румянцев (теперь он инженер-механик) уже знал, что такое комсомол.

— Коммунистический союз молодёжи — вот что такое комсомол!.. Это кто из ребят «товарищ», кто за Ленина. Вступать нам надо!

И мы после уроков пошли «вступать» в комсомол, потому что давно уже были все «товарищи», «за Ленина», «против царя и всех буржуев», за то, чтобы земля принадлежала крестьянам, фабрики — ра-

бочим. Один только Васька Лунь не знал, идти ему или не идти.

— Не примут меня. Ведь я казак!.. — говорил он, а сам с надеждой смотрел нам в глаза.

Всё разрешил тот же Шурка.

— А ты что, буржуй? А твой папаня разве беляк, а не красный партизан-кочубеевец? Может, ты за царя, а не за Ленина?

— За Ленина... — прошептал Васька.

— Тогда казачество твоё ни при чём! Казаки тоже разные бывают. Кочубей тоже вон казак, только он красный казак! Ясно?.. И ты, выходит, красный. Вон Ванька Головик — мужик, а мы его на порог комсомольский не пустим, потому что он богач. И отец у него богач, и все у них контрики и буржуи. Одних молотилок у них двенадцать штук, а курей да свиней счёту не знают. А сами они работают хоть трошки? Батраки за них добро наживают.

Мы смотрели на Шурку, как на взрослого, — он всё знал! И мы пошли за ним гуськом по тропочке через площадь, прямо к дому, где на двери жирным плотничьим карандашом было написано: «Станичная ячейка комсомола».

— Ждите меня тут! — сказал Шурка.

Мы долго топтались перед этой дверью, пока, наконец, не вышел Шурка. По лицу его было видно, что дела наши плохи.

— С четырнадцати принимают... — сказал он коротко. — Меня, может, и примут. Я рослый...

Мы молча начали меряться с ним ростом. Выходило, что нам до комсомола не хватало кому три вершка, кому пять. А Лёшику Середе не хватало все десять.

— А ежели сказать, что нам уже по четырнадцать? — спросил он у Шурки.

— У них за главного Колька Рыбалка... — коротко ответил Шурка.

Вопросов больше не было: Колька знал нас всех. Наши биографии он мог написать и без нашего участия.

Но всё же мы решились. Мы открыли дверь и вытерли босые ноги о тряпку. Прошли гуськом в «залу» и остановились у стола, покрытого куском кумача.

Окончательно оробели мы, когда увидали, что рядом с Колькой сидит незнакомый нам парень, не нашенский, не станичник. На нём была линялая гимнастёрка, такие же шаровары, обмотки и тяжёлые английские ботинки — «танки». На левом боку у него висела казачья сабля, на правом — маузер в деревянной кобуре. А поверх всего этого великолепия на правое плечо была небрежно наброшена кавказская бурка.

— В комсомол пришли записываться! — догадался Колька.

Он не стал затруднять себя вопросами по нашим биографиям. Задавал только один вопрос и то с усмешкой:

— Сколько лет?

Мы все отвечали, что нам уже «стукнуло» четырнадцать. Колька усмехался и говорил парню в бурке:

— Смотри, Всеволод! Оказывается, мы годки, одного года рождения, а я и не знал... Бывает же!..

Потом он старательно записывал наши имена и фамилии на листе синей обёрточной бумаги. Парень в бурке смеялся всё

громче и громче, а особенно когда к столу подошёл Лёшик Середа. Лёшик поступил в школу на год раньше срока. У него от рождения была очень разумная голова на плечах, но плечи его и на вершок не поднимались над столом, за которым сидели Колька и парень в бурке.

И кто бы мог подумать, что он, наш Лёшик, скажет такое, что потом решит нашу судьбу! На тот же самый вопрос: «Сколько тебе лет?» — он твёрдо ответил:

— Одиннадцать, двенадцатый...

Мы так все и замерли, уставившись на него.

— Одиннадцать, двенадцатый... — упрямо повторил Лёшик. — Но я всё равно за Ленина! И papаня мой был за Ленина, и братка старший, и дядя Василий!.. И я навсегда за Ленина, за красных. Вот и всё!

Мы хорошо знали, почему Лёшик сказал о родных «были». Тогда их уже не было. Их расстреляли белые...

Парень в бурке перестал смеяться, решительно стукнул шашкой об пол и сказал:

— Записывай! Ведь они же вырастут. Обязательно вырастут! А надо, чтобы они выросли большевиками...

И мы вышли из дома уже с комсомольскими билетами. Правда, это были временные билеты, даже без печати, только со штампом, всё на той же синей бумаге, но на них значилось, что мы приняты в ряды Коммунистического союза молодёжи.

Увы, билеты действительно оказались «временными»: не прошло и несколько месяцев, как всех нас, кроме Шурки, без особых обсуждений на общем собрании комсомольской станичной ячейки перевели в пионеры. Сначала мы было обиделись, но когда узнали, что вожаком у нас будет Всеволод, смирились.

На первом же сборе пионерского отряда в школе Всеволод взял левой рукой кусок мела и написал на доске:

«К борьбе за рабочее дело будь готов!»

Мы хором ответили: «Всегда готовы!» — и подняли правые руки в пионерском салюте, как научил нас Шурка.

Всеволод ответил нам тоже салютом, но только поднял он не правую, а левую руку. И тут мы заметили, что под буркой у него вместо правой руки болтается пустой рукав. Позже мы узнали, что руку он потерял на фронте. Но всё равно, даже однорукий, он, наш вожак, всегда был готов к борьбе за рабочее дело.

П. ЛУГОВСКОЙ
Рис. О. ТРАСКИНОЙ

Рассказ получил третью премию на конкурсе журнала „Мурзилка"

Крякающий подарок

Ну и спору же у нас было, когда три года назад папа пришёл вечером и сказал маме:

— Собирай, Мариша, пожитки, на целину поедем.

— Ты что, шутишь? — закричала мама. — А жилплощадь, а детей куда?

— Возьмём с собой.

— И жилплощадь с собой?!.

Тут мама так громко рассмеялась, а папа так рассердился, что мне стало страшно. Папа упрашивал маму долго, но она никак не соглашалась.

Тогда он сказал:

— Может быть, проголосуем, а?

— Ты мне здесь парламент не устраивай!

— А что, Мариша, кто наберёт больше голосов, тот и победит. — Папа засмеялся, а мне сказал: — Роман, пошли Настю встречать. Пусть мама наедине подумает.

Мы оделись и пошли за Настей, а мама кричала нам вдогонку:

— И думать нечего! Целинник какой выискался!..

Настя работала билетёршей в метро на станции «Маяковская».

Ну и хитрый же у нас папа! Меня он уговорил, Настю уговорил. Когда мы втроём вернулись домой, всё уже было решено. Не знаю, в шутку или всерьёз, только папа усадил всех и стал голосовать. Папа с Настей голосовали «за», мама обе руки подняла «против», я воздержался — так мне стало жалко маму. Но моё воздержание маме не помогло. Только Настя после этого стала называть меня «раздвоенным». Мама пригорюнилась, но на целину мы всё же поехали. Там папа получил новенький трактор, а Настя пошла к нему прицепщицей. Сначала мы жили в малюсенькой палатке, а потом построили дом. Даже я помогал. Мы с Настей глину копали, с мякиной её мяли, воду из озера в пузатой кадке возили. Озеро, как море, большущее - пребольшущее, только камышом заросло. Поселились мы в новом доме.

Папа и сказал однажды:

— Пора хозяйством обзаводиться. Поеду-ка я, Мариша, на базар, куплю корову, поросёнка, гусей, уток.

— Корову да гусей вези, а этих грязнуль уток и даром не надо.

И за что мама так уток невзлюбила? Такие они хорошенькие, жёлтенькие и чистые-чистые. Мне так захотелось завести уток, что я сказал:

— Папа, купи мне утака и утку.

Все засмеялись, а Настя съехидничала:

— Эх ты, раздвоенный грамотей! Это «гусыню и гусака» сказать можно, а твой утак называется селезнем.

Папа не сказал ни да, ни нет. Я думал, что никакой утки он мне не привезёт. А он привёз. Маме белобокую корову да гусыню с гусаком, а мне утку и селезня.

Утка была белая, и я назвал её Белянкой, а селезень был какой-то коричневый, а пёрышки на нём так и горят, так и переливаются! Он громко крякал, да ещё и шипел. Я назвал его Злюкой.

Утром я побежал в сарай и чуть яйцо не раздавил — оно на земле валялось. Схватил я яйцо и бросился домой.

— Дай-ка я его сварю, — сказала мама.

— Не надо, пусть утят выводят, — возразил папа.

Сначала утка с селезнем целыми днями пропадали на озере. И что интересного они в этой воде находят?

Побежал я однажды перед обедом на озеро, смотрю, а селезень плавает один. Всё-всё я обыскал, даже в колодец заглядывал — пропала моя Белянка! И оттого, что мне было тогда восемь лет и я был ещё не настоящий мужчина, я расплакался. Мама, хотя и не любила уток, тоже всполошилась. Но она догадливее меня, на то она и мама.

— Села, наверное, твоя грязнуля утят выводить.

Побежал я в сарай, а Белянка сидит в гнезде и даже носик свой под крылышко спрятала. Пересчитала мама яйца под Белянкой и сказала:

— Приведёт твоя грязнуля двенадцать утят.

— Неужели двенадцать? Ох, как много! — крикнул я, даже не рассердившись на маму за то, что она назвала утку грязнулей.

Целых двадцать восемь дней я ждал утят. А на двадцать девятый побежал в сарай, а они все вывелись и уже крякают, да так ласково, нежно просят: «Дай поесть!», «Дай поесть!» Я дал им творогу, воды в корыто налил. И до чего же потешные

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

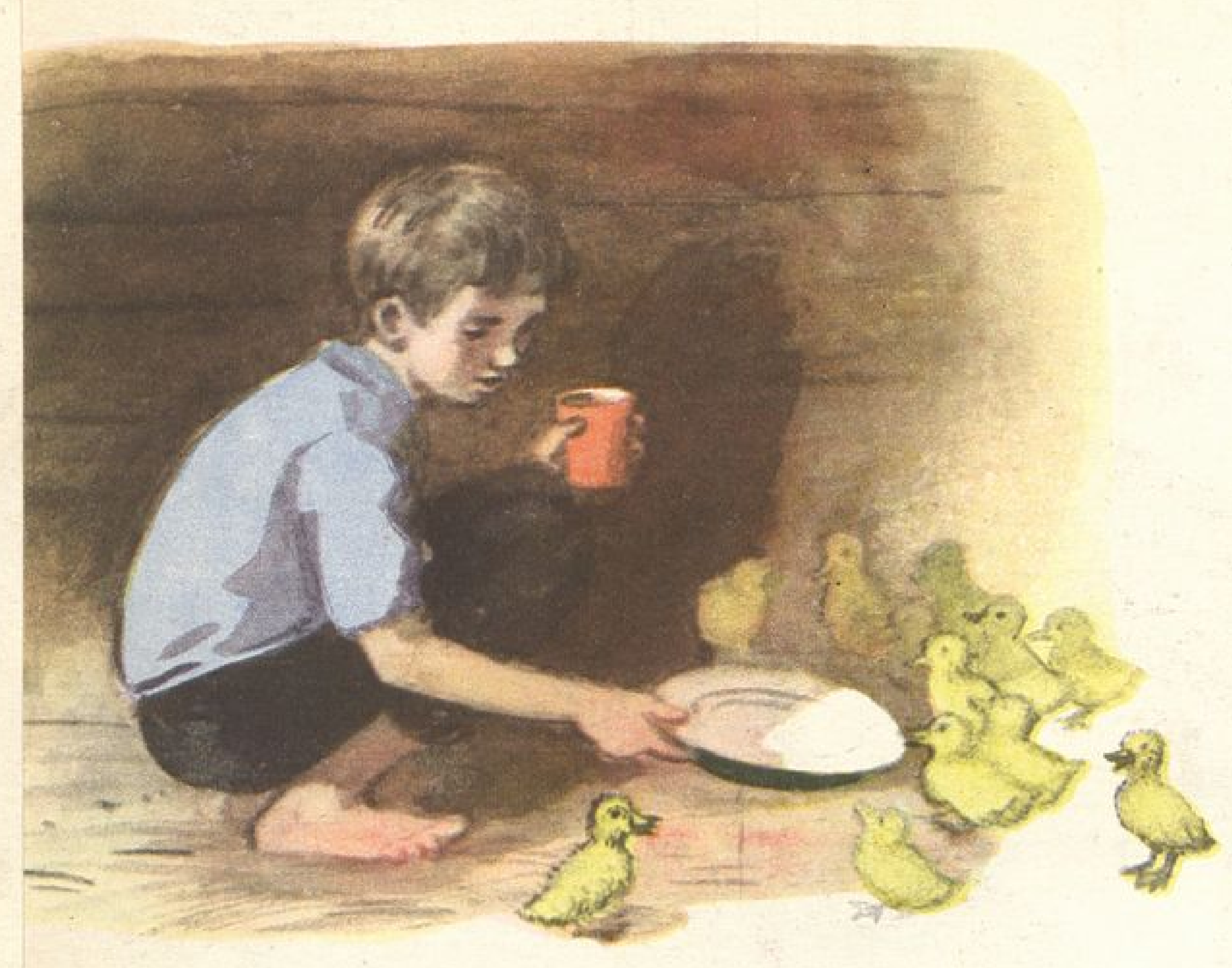
3

Шли эшелоны,
Скрипели обозы —
Спешил Комсомол
На заводы, в колхозы.

Порою голодный,
Разутый порой,
Спешил он туда,
Где гудел
Днепрострой,

Где город
В далёкой тайге
Вырастал,
Где в домне
Бессонной
Варился металл.

И вот на глазах
Из развалин и пепла
Страна поднималась,
Мужала и крепла.

эти утята! Как на картинке! Я ходил за ними по пятам, а Злюка на меня шипел и даже за штанину два раза хватанул.

Белянка водила утят каждый день на озеро. Утята всё росли и росли. У них уже и пёрышки появились и крылышки подросли.

Как быстро летят дни! Ещё недавно был май. Папа с Настей полмесяца домой не заглядывали — всё сеяли. И вот мая уже нет, и июнь позади. Возле нашего дома ещё один дом строится. Строит его Миша-тракторист. Папа ему помогает. У них с Мишей дружба. А вот чего Настя кружится около Мишиного дома, да ещё и глину месит и штукатурит — совсем непонятно!..

Дом всё растёт и растёт. Вот и рамы уже вставили, двери хлопают, и труба вылезла — до самой крыши добрались.

Настелили полы в доме, а потом их покрасили. Даже я махнул раза два кисточкой, но Миша сказал:

— Иди на свою утеферму, а тут тебе делать нечего.

Я ушёл, даже не обидевшись на него. Подумаешь, работа — кисточкой водить! Ты попробуй утят растить, да не одного, а сразу двенадцать!

В августе в нашем совхозе стало тихо-тихо. Даже мама пошла на ток зерно веять. Папа получил комбайн, а Настя стала у него штурвальным. Хлеба на тока, что ни день, привозили всё больше и больше. Папа, когда забегал за чистым полотенцем, говорил, что только один наш совхоз «Приишимский» сдаст Родине три эшелона! Сколько же это вагонов будет? Наверное, не меньше ста...

В сентябре я пошёл в первый класс. Ох, и скучал же я по утятам!.. Всем им имена надавал. Выдумывать пришлось долго. Самого весёлого я назвал Карандашом, самого прожорливого — Большая Ложка, а того, который больше всех кувыркался, я прозвал Циркачом.

Пока я в школу ходил да с утятами возился, в совхозе опять шумно стало.

Однажды мама сказала папе:

— Пойдём, Андрей, за подарками.

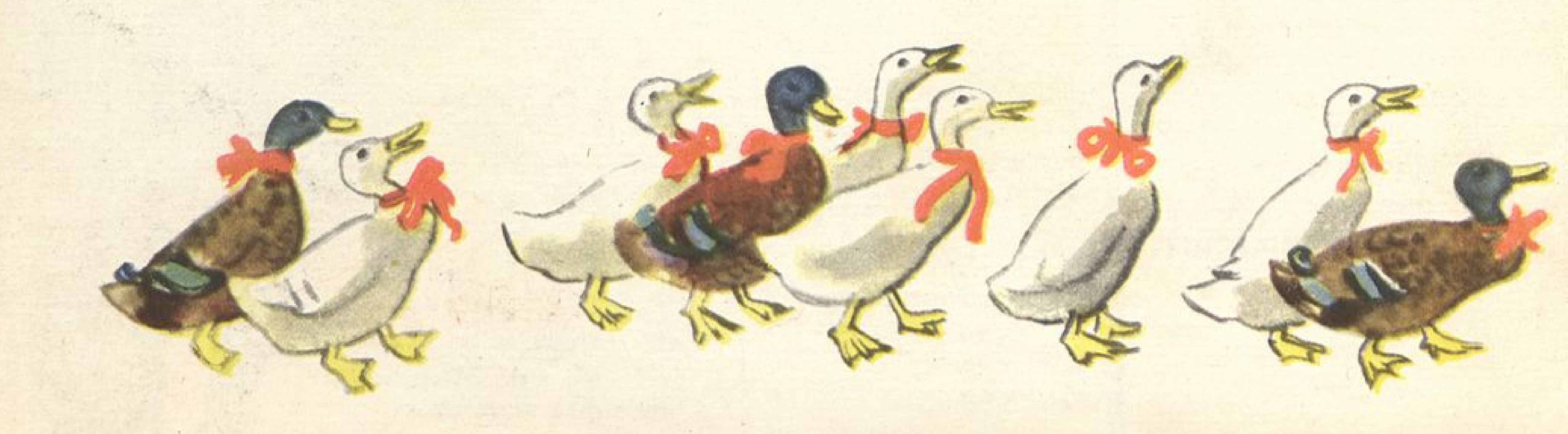
И они пошли. Я, конечно, тоже пошёл за ними. Они целый час стояли у велосипеда, наконец мама сказала:

— Это Мише.

Потом купили швейную машину, и папа сказал:

— А это Насте.

Так вот в чём дело!.. Миша и Настя женятся. И как же это я раньше-то не догадался? Как же я на свадьбу без подарка пойду? Хорошо маме с папой — у них деньги, а у меня, кроме букваря да тетрадей, ничего нет.

На следующий день была суббота. Все суетились. Мама мне то и дело говорила:

— Не вертись под ногами, как заводной.

Но я всё равно вертелся, потому что было интересно смотреть на всех. Настя нарядилась во всё белое. Я её даже не узнал, такая она была красивая. Мама с соседками жарила, пекла, я «снимал пробу» и чуть пирогом горячим не обжёгся, когда соседка, тетя Нюра, спросила:

— Ромашка, а ты что же преподнесёшь Настеньке?

— Никакой я не Ромашка, — огрызнулся я, — а Роман Авдеев.

Но рассердился я вовсе не за то, что Ромашкой меня назвали. Подарка-то нет!

Я убежал, сел на берегу озера и стал думать. Но, кроме уток, у меня ничего не было. Пусть смеются, я подарю Насте уток, а на тот год себе новых заведу. Я просмотрел уток, почистил их, а на шею попривязывал красные банты. Утки стали нарядные, как будто на парад собрались. Я взял кусок хлеба и повёл крякушек к Мишиному дому. Впереди шли Белянка и Злюка.

— Смотрите, утеферма на свадьбу идёт, — сказал Миша, улыбаясь.

Все засмеялись, а утки так закрякали, так закрякали, даже смех заглушили. Тут я осмелился, подошёл к Насте и сказал:

— Возьми от меня подарок.

— Да что же я с ними буду делать? — растерялась Настя.

— Что хочешь, то и делай! — ответил я.

Настя поцеловала меня, а от Миши я вырвался. Что я, девочка, что ли, чтобы меня целовали?

Я думал, что подарки не дарят. А Настя десять утят подарила на расплод совхозу и дома оставила только двух. У меня остались Белянка и Злюка. Я скучал по крякающей семейке. Мама радовалась, что избавилась от двенадцати грязнуль, а папа ремонтировал трактор и вовсе про уток не вспоминал.

Когда я учился в первом классе, то ни за что бы не решился написать про крякающий подарок. Но мне очень хотелось рассказать, потому что уток в совхозе за три года разведось столько, что и не пересчитаешь. А ведь для историков интересно будет знать, что все крякушки пошли от Злюки и Белянки.

Кит — самое большое животное на свете, такое большое, что ни в одном зоопарке для него не хватает места. Киту нужно очень много воды, и жить он может только в океане.

Кит — очень ценное животное. Из его жира, мяса и печени изготовляют нужные нам продукты. Вот поэтому и ведётся добыча китов.

Охотиться за китами — дело трудное и опасное. Доверить его можно только самым храбрым, мужественным и умелым людям.

Комсомольцы именно такие люди. Поэтому на груди многих советских китобоев горит комсомольский значок.

Каждый год в начале октября из Одесского порта уходят в дальние моря шестнадцать судов. Одно очень большое, и пятнадцать поменьше. Большое судно называется «Слава». И маленькие суда называются: «Слава-1», «Слава-2», «Слава-3» и так до «Славы-15». А все суда вме-

Рис. П. ПАВЛИНОВА

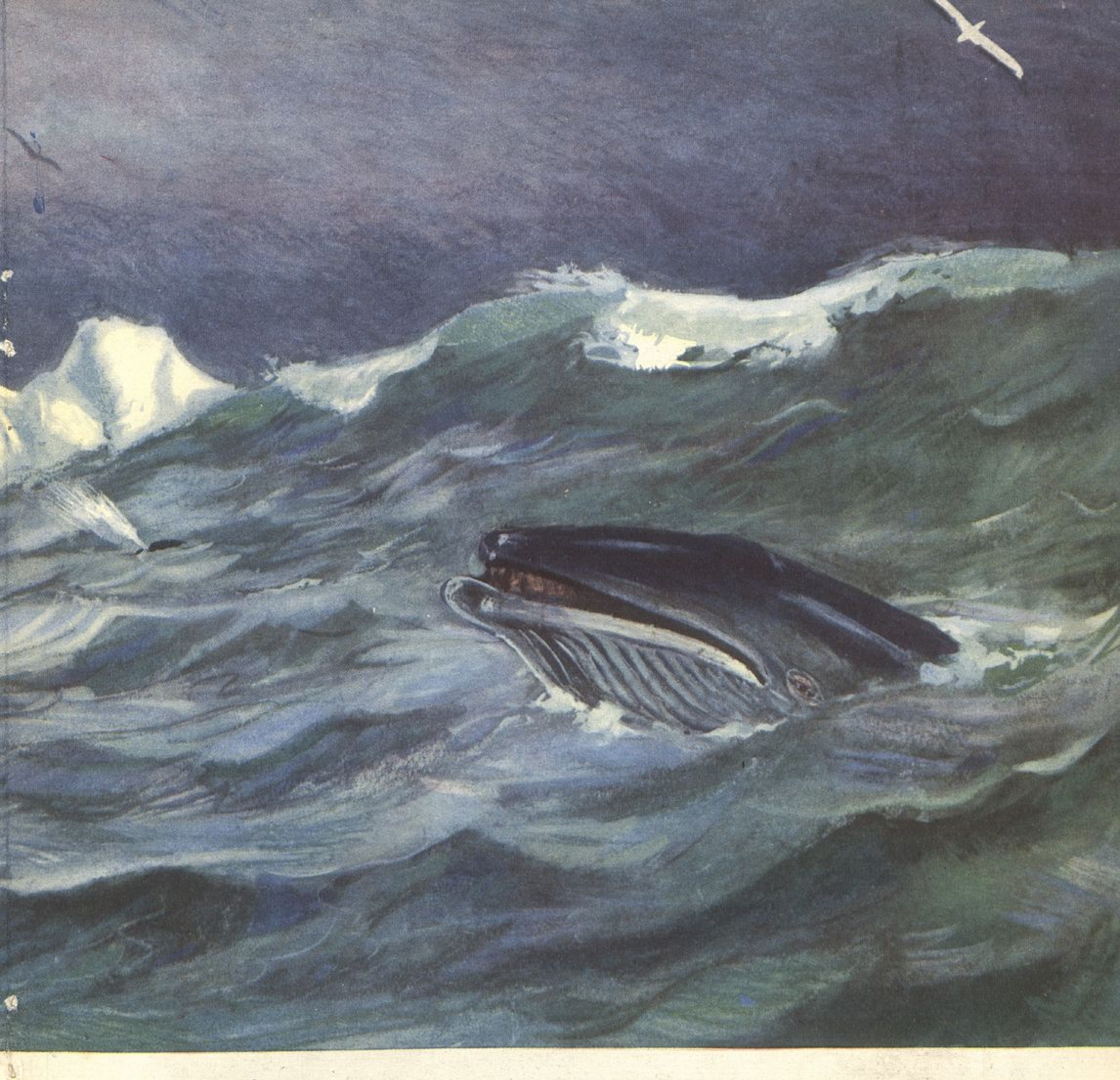

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

сте называются «китобойная флотилия «Слава». Больше месяца добирается «Слава» до тех мест, где живут киты. А живут они в очень холодных краях, в той части океана, что находится возле самой суровой страны на свете — Антарктиды. Здесь в океане плавают огромные куски льда — айсберги. Если корабль налетит на айсберг, разобьётся в щепки.

Стреляют в китов из пушки. Только пушка эта не простая, а гарпунная. Гарпун — это снаряд, к концу которого прикреплён длинный трос. Когда гарпун попадает в цель, убитый кит оказывается на привязи. Но если кит не убит, а только ранен, то он пытается скрыться и тащит судно за собой. Вот в эти минуты и требуется от китобоев особая сноровка и хладнокровие. Много часов может длиться схватка с китом, но победа всегда остаётся на стороне человека.

Двенадцать лет подряд выходит в поход за китами флотилия «Слава» и всегда к концу промысла её трюмы бывают загружены доверху.

Рассказ получил вторую премию на конкурсе журнала „Мурзилка“

ДВА РАДИСТА

С. САХАРНОВ *Рис. П. ПАВЛИНОВА*

Служили на Охотском море два комсомольца, два радиста.

Один служил на рыбачьей шхуне «Камбала», второй — на грузовом пароходе «Пугачёв».

Они давно знали друг друга по радиоразговорам, а вот встретиться и подружиться никак не могли.

Рано утром радист «Пугачёва» включал станцию и начинал передачу:

«Пи-пи-пи-и...»

В воздух летели не слова, а длинные и короткие гудочки — точки и тире.

И радист на «Камбале» принимал:

«Пи-пи-пи-и...»

Но читал он: «Передаю для вас погоду...», потому что именно так радисты всего мира разговаривают друг с другом.

— Куда идёте? — спрашивал радист «Камбалы».

— На Камчатку.

— А мы на Сахалин.

Вот и опять не встретились!..

Но однажды случилась беда.

Шхуна наскочила в тумане на камни. Она пробила себе дно и стала тонуть.

Холодная вода залила каюты и выгнала людей на палубу.

— Насосы не успевают качать воду, — сказал капитан. — Надо звать помощь!

Тогда радист повернулся и полез вниз, в свою каюту.

Стоя по пояс в воде, он начал отвинчивать от стола радиостанцию.

Время шло. Вода поднималась выше и выше, а радист всё работал.

Наконец он снял станцию и вытащил на

палубу. Провода в ней отсырели, и станция работала плохо-плохо.

Никто не отвечал радисту.

Вода булькала уже у самой палубы.

— Видно, помощь не вызвать! — сказал капитан.

Рыбаки стояли молча.

И вдруг радист услышал в наушниках ответ. Это отвечал «Пугачёв».

Никто во всём мире не слышал сигналов шхуны, а радист «Пугачёва» услыхал. Он бросился к своему самому сильному передатчику и стал передавать:

«Пи-пи-пи-и...»

Снова в воздух летели длинные и короткие гудочки, и радисты по всему морю приняли:

«Пи-пи-пи-и...»

Но все они прочитали: «На помощь шхуне!» И тогда восемь пароходов, шесть самолётов, две подводные лодки свернули с пути и направились к ней.

Все шли на помощь!

«Пугачёв» тоже спешил. Он обогнал другие корабли и пришёл первым.

Шхуны уже не было видно. Над водой торчали только её мачты. На них висли люди.

Рыбаков сняли. Когда они собрались на палубе парохода, радист «Пугачёва» спросил:

— Покажите мне моего приятеля. Вот мы с ним и встретились!

— Нет, — ответили рыбаки. — Он работал в воде, простудился и заболел. Час назад прилетел гидросамолёт и забрал его...

Так и не встретились два радиста.

Но уже подружились по-настоящему!

Рис. А. ПАУКОВА

4

Мы славим отважную
Юность твою!
Был первым в труде ты —
Стал первым в бою.

Ты стал пехотинцем,
Сапёром, танкистом,
Летел на врага
В «ястребке» серебристом.

Смерть рядом ходила...
Но, ей вопреки,
Прошёл ты от Волги
До Эльбы-реки.

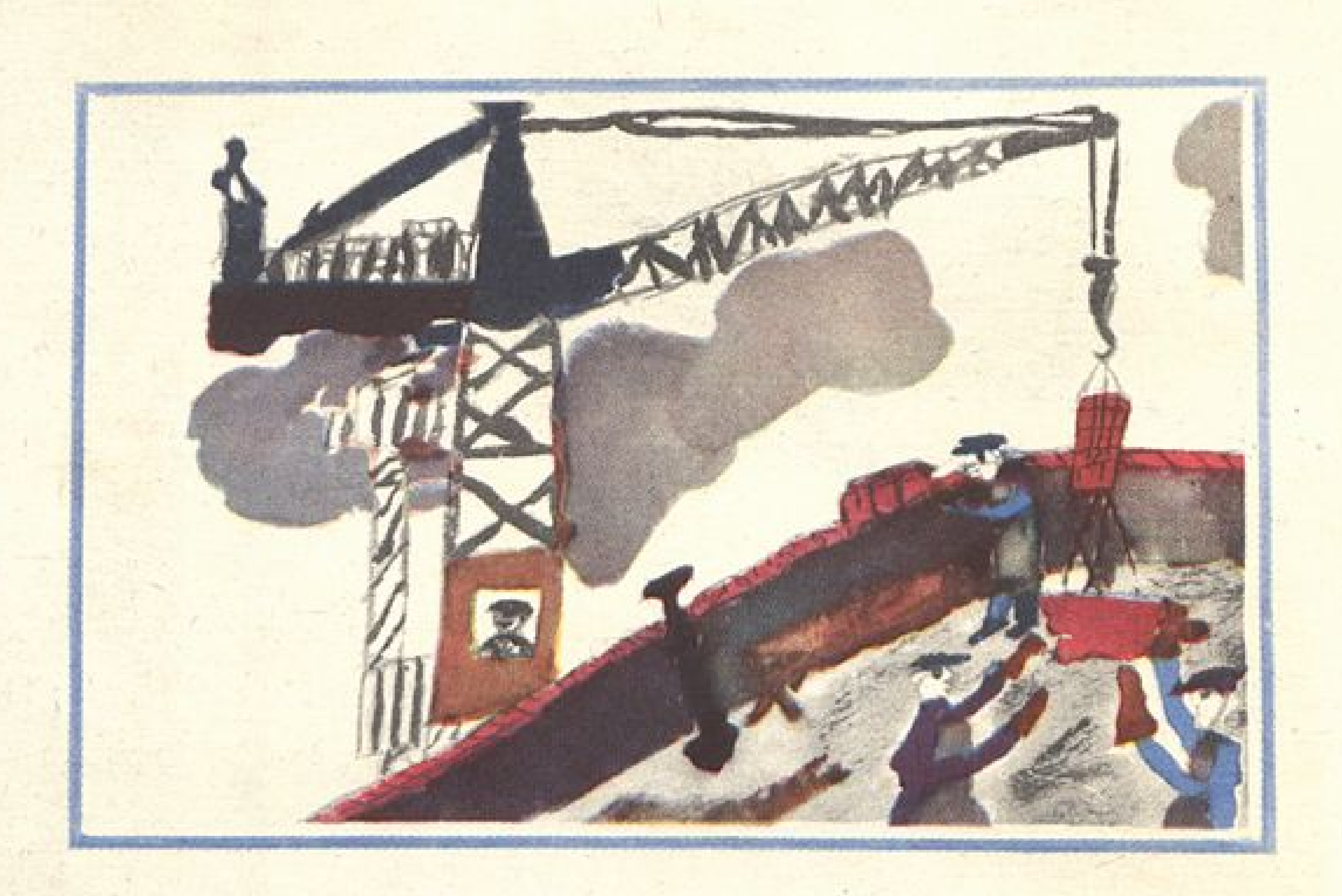
Славою стали
Твоей боевой
Зоя,
Матросов,
Олег Кошевой.

НАШИ ПОДАРКИ КОМСОМОЛУ

«Собачка». *Надя Сидоренко, 10 лет.* (Глина.)

«Утята». *Лена Капралова, 10 лет.* (Глина.)

«Рыбка». *Галя Иванова, 10 лет.* (Глина.)

«На стройке». *Рисунок Юры Сапожникова, 7 лет.*

Всё, что ты видишь на этих страницах, сделали ребята — воспитанники изостудии Московского городского дома пионеров. Свои работы они посвятили ленинскому комсомолу. В подарок комсомолу рисовали и лепили не только Володя Хромов и Лена Капралова, но и другие ребята и в Московском, и в Киевском, и в Минском, и во многих, многих домах пионеров и в школах. Всё самое лучшее, что сделали ребята для своих старших братьев и сестёр, собрано и будет показано на XII Всесоюзной выставке изобразительного творчества детей, посвящённой 40-летию ВЛКСМ. Эта выставка скоро откроется в нашей столице — Москве.

«Сказка». *Рисунок Кати Ерофеевой, 9 лет.*

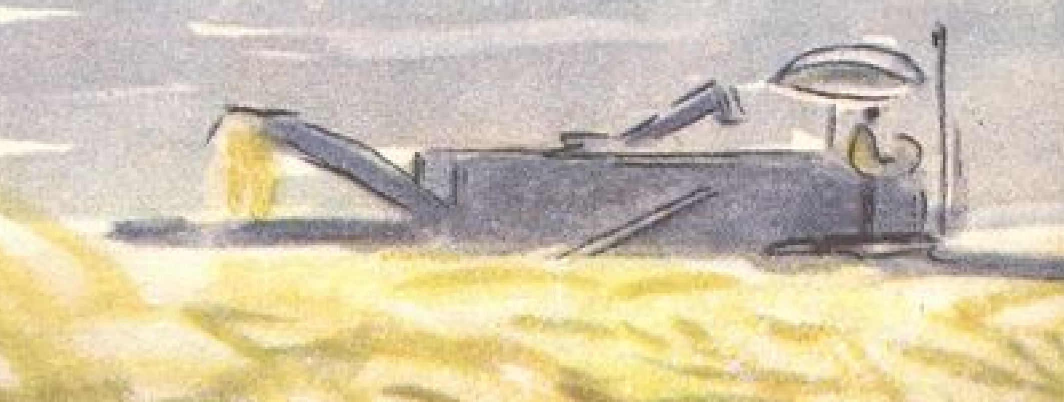
«Городок в табакерке». *Рисунок Володи Хромова, 8 лет.*

«Голубь». *Костя Федотов, 10 лет.* (Керамика.)

«Лисица и Аист». *Вера Ильчук, 9 лет.* (Линогравюра.)

5

Гордится
Советский народ
Комсомолом.
На землях целинных
Он стал новосёлом.

И вот колосится
Пшеница густая
В степях Казахстана,
В предгорьях Алтая.

И мы говорим
Старикам не в укор:
«Вот это и есть
Комсомольский задор!»

И горы пшеницы
Лежат в закромах, —
Вот это и есть
Комсомольский размах.

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

СТРОЙКА

Рис. Е. КОРОТКОВОЙ

Каюм ТАНГРЫКУЛИЕВ

Папа работает
Утром и днём.
Строит мой папа
Дом.

Подносит кирпич,
Как строитель заправский,
Глину с водой
Замесил для обмазки.

Ровно кладёт
Кирпич к кирпичу...
Я тоже
Свой домик
Построить хочу.

Я кирпичи
У отца попрошу,
Глину, как папа,
С водой замешу

Расти, трёхэтажный
Игрушечный дом!
Двери и окна
Прорежу я
В нём.

Солнышко
Сушит
Мокрую глину,
Кроет загаром
Руки и спину.

Глиняный домик
Готов у меня,
А из остатков
Леплю я
Коня.

Верблюда леплю,
Чтобы плёлся вдогонку,
Корову,
А рядом с коровой—
Телёнка,

Четыре вагона,
А к ним—паровоз,
Чтоб новых жильцов
В мой дом перевёз.

Зелёный чай
Я очень люблю—
Поэтому чайник
Из глины
Леплю.

И две пиалы—
Туркменские чашки.
Но тут под ногами
Я вижу стекляшки.

Два стёклышка,
Круглые, как пятачки.
Возьму смастерю-ка
Из глины
Очки!

Теперь у арыка
В тени полежу,
На стройку свою
Сквозь очки
Погляжу.

Перевёл с туркменского Я. АКИМ

КАК ОТ МЁДА У МЕДВЕДЯ ЗУБЫ НАЧАЛИ БОЛЕТЬ

Борис КОРНИЛОВ *Рис. В. ЛОСИНА*

Спи, мальчишка, не реветь!
По садам идёт медведь,
мёду жирного, густого,
хочет сладкого медведь.

А за банею подряд
ульи круглые стоят.

Все на ножках на куриных,
все в соломенных платках,
а кругом, как на перинах,
пчёлы спят на васильках.

Спят берёзы в лёгких платьях,
спят собаки со двора,
пчеловоды на полатях.
И тебе заснуть пора.

Спи, мальчишка, не реветь —
заберёт тебя медведь.

Он идёт на ульи боком,
разевая старый рот,
и в молчании глубоком
прямо горстью мёд берёт,
прямо лапой, прямо в пасть
он пропихивает сласть.

И, конечно, очень скоро
наедается ворча.
Лапа толстая у вора
вся промокла до плеча.

Он сосёт её и гложет,
отдувается: капут!
Он полпуда съел, а может,
не полпуда съел, а пуд.

Полежать теперь в истоме
волосатому сластёне.

Убежать, пока из мишки
не наделали колбас,
захватив себе под мышку
толстый улей про запас.

Спит во тьме собака-лодырь,
спят в деревне мужики.
Через тын, через колоды
до берлоги напрямки
он заплюхал, глядя на ночь,
волосатая гора,
Михаил — медведь — Иваныч,
и ему заснуть пора.

Спи, мальчишка, не реветь,
не ушёл ещё медведь.
А от мёда у медведя
зубы начали болеть.

Боль проникла, как пронырa,
заходила ходуном,
сразу дёрнуло,
заныло
в зубе правом коренном.
Засвистело,
затрясло,
щёку набок разнесло.

Обмотал её рогожей,
потерял медведь покой.
Был медведь — медведь пригожий,
а теперь на что похожий!..
С перевязанной щекой,
некрасивый, не такой.

Скачут ёлки хороводом.
Ноет пухлая десна.
Где-то бросил улей с мёдом —
не до мёду,
не до сна,
не до сладостей медведю,
не до радостей медведю.

Спи, мальчишка, не реветь —
зубы могут заболеть.

Шёл медведь,
стонал медведь,
дятла разыскал медведь.

Это щёголь в птичьем свете,
в красном бархатном берете,
в тонком чёрном пиджаке,
с червяком в одной руке.

Нос у дятла весь точёный,
лакированный,
кривой,
мыт водою кипячёной,
свежей высушен травой.
Дятел знает очень много,
он медведю сесть велит.
Дятел спрашивает строго:
«Что у вас, медведь, болит?

Зубы?
Где?»
С таким вопросом
он глядит медведю в рот
и своим огромным носом
у медведя зуб берёт.

Приналёг —
и сразу грубо,
с маху выдернул его...
Что медведь — медведь без зуба?
Он без зуба — ничего.
Не дерись
и не кусайся,
бойся каждого зверька,

бойся волка,
бойся зайца,
бойся хмурого хорька.

Скучно —
в пасти пустота.
Разыскал медведь крота.

Подошёл к медведю крот,
поглядел медведю в рот,
а во рту медвежьем душно,
зуб не вырос молодой.
Крот сказал медведю: «Нужно
зуб поставить золотой».

Спи, мальчишка, надо спать —
в темноте медведь опасен,
он на всё теперь согласен,
только б золота достать.

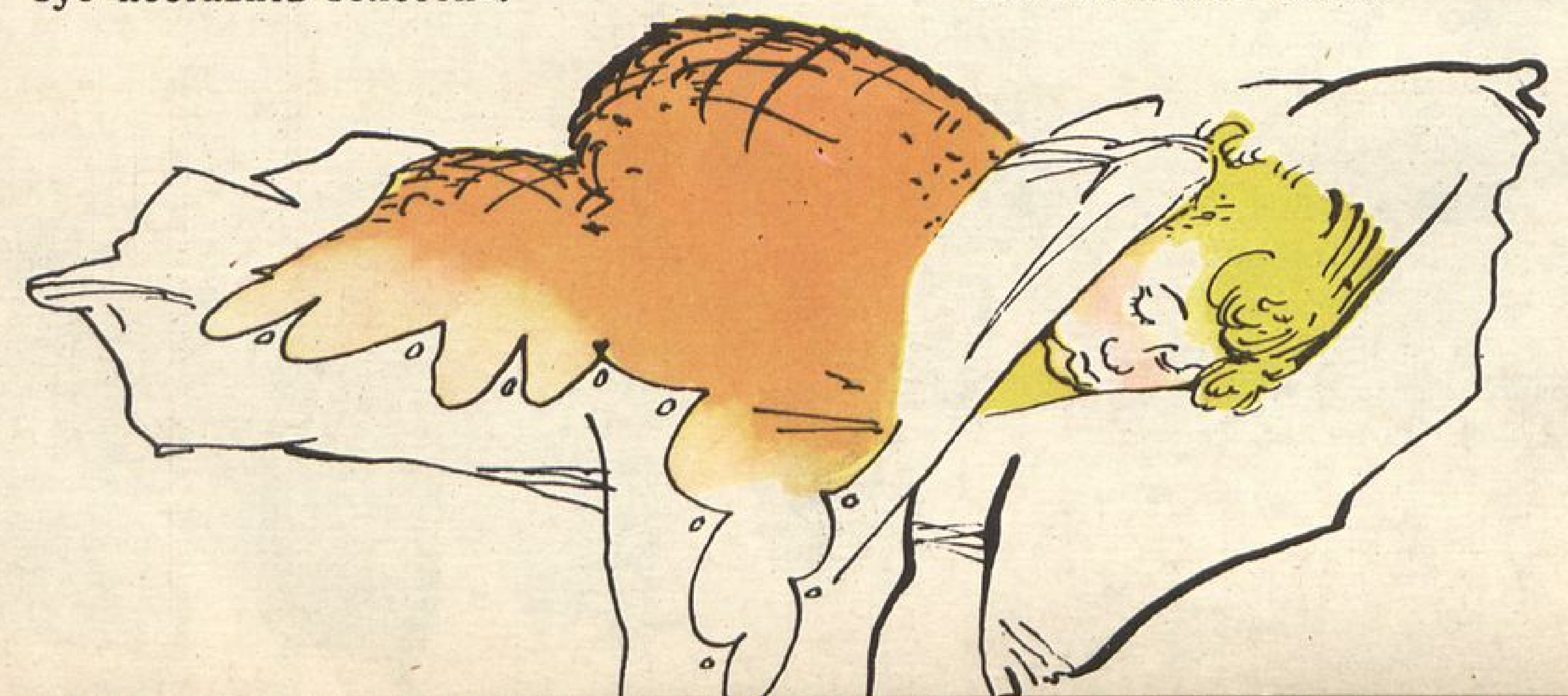
Крот сказал ему: «Покуда
подождите, милый мой,
я вам золота полпуда
накопаю под землёй».
И уходит крот горбатый,
и в полях до темноты
роют землю, как лопатой,
ищут золота кроты.

Ночью где-то в огородах
откопали самородок.

Спи, мальчишка, не реветь!
Ходит радостный медведь,
щеголяет зубом свежим,
пляшет мишка молодой.
И горит во рту медвежьем
зуб весёлый, золотой.

Всё синее, всё темнее
над землёй ночная тень.
Стал медведь теперь умнее,
чистит зубы каждый день,
много мёду не ворует,
ходит пухлый и не злой
и сосновой пломбирует
зубы белою смолой.
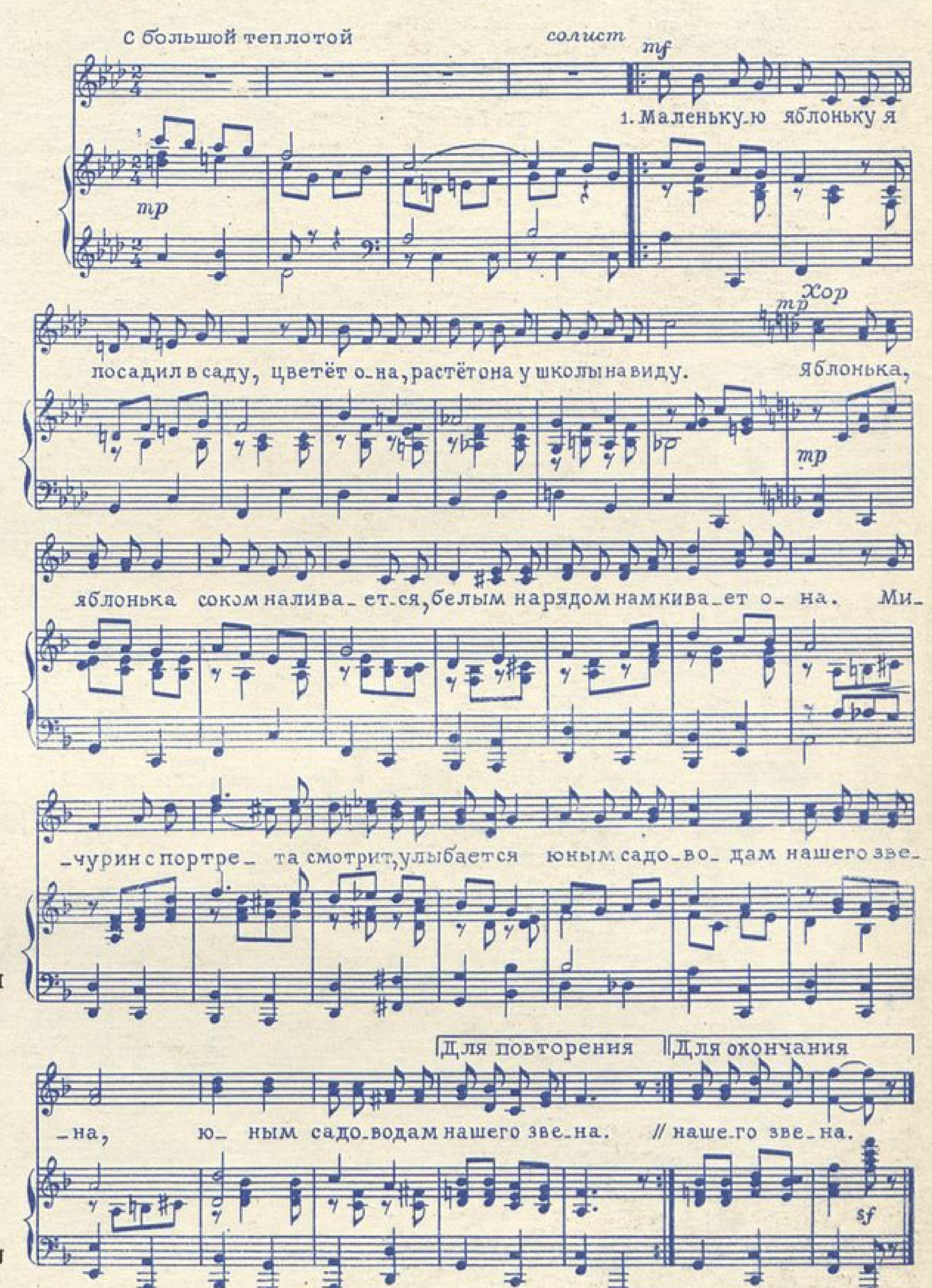
Спи, мальчишка, не реветь —
засыпает наш медведь,
спят берёзы,
толстый крот
спать приходит в огород.
Рыба сонная плеснула,
дятлы вымыли носы
и заснули.
Всё заснуло —
только тикают часы...

Ц. СОЛОДАРЬ

Музыка Павла **АЕДОНИЦКОГО**

Маленькую яблоньку я посадил в саду.
Растёт она, цветёт она
У школы на виду.

Яблонька, яблонька соком наливается.
Белым нарядом кивает нам она.
Мичурин с портрета смотрит, улыбается
Юным садоводам нашего звена.

Хорошеет яблонька и крепнет день за днём.
Она растёт, и я расту,
И оба мы растём.

Яблонька, яблонька соком наливается.
Белым нарядом кивает нам она.
Мичурин с портрета смотрит, улыбается
Юным садоводам нашего звена.

Все мои приятели решили вслед за мной:
«Посадим обязательно
По яблоньке одной!»

Яблонька, яблонька соком наливается.
Белым нарядом кивает нам она.
Мичурин с портрета смотрит, улыбается
Юным садоводам нашего звена.

Яблони антоновки ветвями шелестят.
И знает каждый в городе
Наш пионерский сад.

Яблонька, яблонька соком наливается.
Белым нарядом кивает нам она.
Мичурин с портрета смотрит, улыбается
Юным садоводам нашего звена.

На обложке рисунок Н. ЦЕЙТЛИНА

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), Ю. КОРИНЕЦ, М. КОРШУНОВ, С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, Е. РАЧЁВ

Художественный редактор Ю. Молоканов — *Рукописи не возвращаются* — *Технический редактор Г. Голубкова*

Год издания тридцать четвёртый — **Цена 1 руб.** — Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Подп. к печати 26/VIII 1958 г. Бумага 60×92¹/₈ = 1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 1706

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21. Телефон: Д 0-45-08.

Рисунок Жени Умнышкова, 10 лет.
«На Луне».